

Дневники Жрицы

Надежда Макеева

Дневники Жрицы

<https://litres.ru/74075816>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга о Древнем мире, женских практиках, Женских Кругах, Прошлых Жизнях, Древних Храмах, древняя мудрость, Древняя Индия, мудрость через века, знания, передающиеся из жизни в жизнь.

Содержание

Глава	4
Вступление.	5
Глава 1. Я Жрица	6
Глава 2. Настя и Женские Круги	9
Глава 3. Девочки в Храме	21
Глава 4. Настя и Женские Круги	28
Опора.	33
Сила.	34
Мягкость.	35
Граница.	36
Любовь.	37
Глава 5. Индия, пять веков назад.	43
Тибет.	43
Наши дни.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дневники Жрицы

Глава

ДНЕВНИКИ ЖРИЦЫ.

Вступление.

Когда -то около 500 лет назад существовал в Южной Индии Храм , носивший название Храм Знания и Любви..

В этом Храме жили Жрицы, которые поклонялись Господу Шиве и несли Миру знания о том как жить в Гармонии со всем миром и уметь сохранять Любовь в своем сердце, чтобы ни происходило в жизни..

Эти женщины обладали древними знаниями , которые мы можем применять и в наши дни...

Девочки с детства воспитывались в Храме..

Их сердце было полно Божественной любви, и человек начинал чувствовать много любви, просто находясь рядом с ними...

Девочки с ранних лет изучали Древние Священные писания на санскрите, и несли Миру знания , которые получали от своих духовных учителей...Знания О Божественной Любви..

Это был их путь служения Богу..

Я когда -то тоже жила в этом Храме и решила поведать миру о нем..

Глава 1. Я Жрица

Меня зовут Мохини.

Я живу в Храме Знания и Любви. Я попала сюда в шесть лет, когда потеряла родителей. Мама очень любила меня, но сейчас её нет рядом. Я храню в сердце воспоминания о ней — её тёплые ладони, запах жасмина в волосах, тихий голос, когда она пела мне на ночь. Она была очень родной, очень тёплой. Моя мамочка.

Сейчас мне пятнадцать.

Храм стоит на холме, окружённом густым зелёным лесом. По утрам туман спускается с гор и ложится на крыши, и кажется, что храм плывёт в облаках. А когда солнце поднимается выше, туман рассеивается, и открываются бесконечные рисовые поля, пальмовые рощи и далёкие синие вершины, уходящие в небо.

Как необычна Индия. В ней переплетаются мудрость веков, роскошь дворцов и в то же время простота людей, которые живут, слушая зов природы и своего сердца. Они называются протодруидами — я слышала это слово от старших Жриц. Они не строят больших домов, не накапливают богатств, но в их глазах всегда живёт спокойствие, которого я нигде больше не видела.

Мой Храм учит людей, что жить нужно по зову сердца, всегда чувствуя любовь. И служить Богу. Это простое пра-

вило, но чтобы следовать ему, нужна вся жизнь.

У меня есть всё, что нужно для счастья. Подруги, с которыми мы выросли вместе и стали сёстрами. Красивая одежда — лёгкие сари из тончайшего шёлка, цвета которых напоминают о закате над Гангой. И мой Господь.

Каждый день я занимаюсь служением в алтаре.

Господь моего сердца — Шива. Он стоит в глубине алтарной, в полумраке, где мерцают масляные лампы. Его каменное тело отликает золотом от сандаловой пасты, которой мы умащаем Его каждое утро. Гирлянды из жасмина и бархатцев обвивают Его шею, и воздух в алтарной всегда тяжёлый от цветочного аромата, смешанного с дымом благовоний.

Он — изначальный мужчина. И у Него своенравный характер. Его легко умиловать и легко разгневать. Иногда я подхожу к Нему и чувствую, как от Божества исходит тепло, и я чувствую Его рядом. Он смотрит на меня и улыбается. В такие моменты я знаю — я не одна. Он со мной. Он защищает меня. Он мне как Отец.

Каждый день я готовлю для Него вкусные, ароматные блюда. Рис с шафраном, сладости из молока и мёда, фрукты, которые мы собираем в храмовом саду. Я ставлю подношение перед Ним, читаю особые мантры и закрываю глаза. В тишине я слышу, как Он принимает мое подношение — не словами, не звуками, а тем особым покоем, который разливается в груди, когда делаешь всё правильно.

Моя жизнь полна ярких огней. Свечи, лампы, блики солн-

ца на золотых куполах. Но она не предназначена для семьи. Я родилась, чтобы служить Богу. И помогать другим почувствовать любовь. Те, кто общается со мной, становятся счастливее, и я всегда могу указать путь, куда им двигаться дальше. Это не моя заслуга — это просто течёт через меня, как вода через родник.

А ещё в моей жизни есть танцы.

Когда я танцую, я забываю о времени. Мои ступни отбивают ритм по прохладному каменному полу, браслеты звенят на щиколотках, пальцы складываются в мудры, рассказывающие истории, которые старше самого храма. Я кружусь, и сари разлетается цветным облаком, и кажется, что я не касаюсь земли. В танце я могу выразить всё, что не умею сказать словами. И это тоже моё подношение Богу.

С самого первого дня в Храме я обучалась танцам. Моя первая наставница, старая Жрица с седыми волосами и глазами цвета ореха, ставила мои ноги в правильные позиции, поправляла спину, учила дышать в ритме. Я плакала от усталости, но не хотела останавливаться. Потому что, когда я танцую, я чувствую в моем сердце много-много любви.

Это моя жизнь. И я счастлива в ней.

Глава 2. Настя и Женские Круги

Наши дни.

Комната, где мы собираемся, всегда готова к Кругу. Уже скоро придут девочки. Я зажигаю свечи — высокие, в стеклянных подсвечниках, они будут стоять по кругу, очерчивая границы нашего пространства. Пол укрыт тёплыми пледами и мягкими подушками — чтобы можно было сесть, лечь, прижаться щекой к тёплой ткани и чувствовать себя в безопасности.

В углу тлеют палочки сандала, и тонкий дым вьётся к потолку, смешиваясь с ароматом сухих трав, разложенных по маленьким глиняным чашам. Я люблю этот запах — он густой, сладкий, немного терпкий. Он напоминает мне о храме, которого я не помню, но который живёт где-то глубоко в теле.

За окном уже темно. Город шумит где-то далеко, приглушённо, будто в другой вселенной. А здесь, внутри, — тишина, которую мы создаём своими руками. Своими сердцами.

В центре комнаты, прямо на полу, я начинаю создавать алтарь.

Я люблю это делать руками. Чувствовать доски под ладонями, их прохладу, их шершавость. Никакой ткани, никаких покрывал — только пол, только наши дары, только огонь.

Сначала я ставлю круглый стеклянный поднос. Обычный,

из кухонного шкафа. Кто-то печёт на нём пиццу, а я ставлю на него свечи. Мне нравится эта мысль — что священное рождается из обычного. Что не нужно особых сосудов, чтобы создать алтарь. Нужно только сердце.

На поднос я ставлю три свечи. Высокую белую в центре, две поменьше — по бокам. Стекло будет отражать их огонь, множить свет, разбрасывать по полу золотые блики.

Вокруг подноса я раскладываю цветы. Белые розы, которые пахнут сладко и немного горько, как память. Бархатцы — ярко-оранжевые, почти светящиеся в полумраке. Несколько веток жасмина, которые я купила утром на рынке, — их тонкий, нежный аромат переплетается с сандалом. Лепестки я рассыпаю по полу, создавая круг внутри круга. Они ложатся на тёмное дерево, и свечи будут отражаться в их влажной, живой поверхности.

Между цветами я раскладываю камни. Розовый кварц, который нашла в горах. Агат — для любви к себе. Лабрадорит, переливающийся синим, — для связи с глубинным знанием. Они лежат на лепестках, и огонь свечей отражается в их отполированных гранях.

Рядом — маленькие глиняные чаши с травами. Шалфей для очищения. Лаванда для спокойствия. Розмарин для памяти.

Алтарь готов. Пустой. Живой. Ждущий.

Девочки приходят по одной. Я встречаю их у двери, смотрю в глаза, чувствую, какая энергия пришла сегодня. Кто-

то усталый, кто-то взволнованный, кто-то светится изнутри, как лампа, прикрытая тканью.

— Заходите , мои дорогие девочки.

Они снимают туфли, сапоги, кроссовки. Босые ступни ступают на тёплый пол, и я вижу, как плечи опускаются, как расслабляются лица.

Они садятся в круг, на подушки, укрываются пледами, если зябко. Я жду, пока все устроятся. Кто-то сразу закрывает глаза, кто-то рассматривает алтарь, кто-то перебирает пальцами лепестки, лежащие на полу.

— Девочки, — говорю я. — Алтарь сегодня ждёт ваши дары. Это наш общий алтарь. Каждая может положить на него то, что хочет зарядить. Украшения, камни, что-то дорогое сердцу. Пока они будут лежать в кругу, в свете свечей, они будут наполняться нашей энергией. Нашей любовью. Нашей силой.

Первая встаёт моя старая девочка — та, что приходит уже три года. Она снимает с шеи тонкую серебряную цепочку с маленьким лунным камнем. Осторожно кладёт на стеклянный поднос, рядом со свечами, прямо между ними, чтобы камень лежал в центре. Её пальцы задерживаются на секунду — шепчет что-то, что слышно только ей.

— Я кладу это для силы, — говорит она, садясь на место. — Чтобы помнить, что я могу.

Другая девочка, новенькая, мнётся, но потом снимает браслет — сплетённый из нитей, с маленькой бирюзовой бу-

синой. Кладёт на поднос, рядом с цепочкой.

— Это мне мама подарила, — говорит она тихо. — Я хочу, чтобы он напомнил мне, что я не одна.

Третья, высокая, красивая, та, что привлекла моё внимание с порога, долго смотрит на свои руки. Потом снимает кольцо — золотое, с маленьким красным камнем. Я вижу, как оно блестит в свете свечей, когда она держит его на ладони.

— Я ношу его каждый день, — говорит она. — Оно как щит. Чтобы не чувствовать. Сегодня я хочу... я хочу его зарядить. Чтобы оно помогало мне чувствовать. А не защищаться.

Она опускается на колени и кладёт кольцо на поднос, рядом с другими украшениями. Её пальцы дрожат. Я вижу, как она сжимает губы, чтобы не расплакаться.

Девочки по очереди подходят к алтарю. Кто-то несёт камень, кто-то — маленькую статуэтку, кто-то — мамину серьгу, которая стала талисманом. Алтарь наполняется. Серебро, золото, камни, дерево, нити — всё это лежит на стеклянном подносе, среди свечей, и огонь отражается в каждой поверхности, множится, становится десятками маленьких огней.

Я смотрю на этот алтарь и чувствую: он живой. Он дышит. Он собирает в себя наши истории, наши надежды, нашу боль. Он — сердце Круга.

Я встаю в центр. Девочки сидят вокруг, взявшись за руки. Я чувствую тепло их ладоней, лёгкое напряжение в пальцах

— кто-то волнуется, кто-то уже закрыл глаза и дышит глубоко, настраиваясь. Я обвожу взглядом круг. Знакомые лица, новые лица. Все они — мои. Все они — сёстры.

— Я открываю Круг Света, — говорю я, и голос мой звучит твёрже, чем обычно. — И призываю в него всех Ангелов и Архангелов, четыре Стихии, четыре стороны Света — север, юг, запад, восток, Высшие силы, Отца Небесного и Матушку Землю.

Девочки повторяют слова за мной, и их голоса сливаются в один — тихий, но сильный. Я чувствую, как вибрация поднимается от пола, проходит сквозь мои ступни, колени, позвоночник, заполняет грудь.

Каждый раз, когда я начинаю Круг, внутри меня возникает состояние эйфории и предвкушения чего-то нового. Новых открытий. Новых глубин. Как будто стоишь на краю обрыва, а внизу — океан, и ты знаешь, что сейчас шагнёшь. Не страшно. Только волнительно и сладко.

— Идём поплаваем, — говорю я тихо, и девочки улыбаются. Это наша традиция, наш пароль, который знают только свои.

Я — Настя. И уже много лет я веду Женские Круги. Помогаю женщинам вернуться к себе и познать свою природу. Всегда выбирать себя. И любить. Вначале себя, потом всех остальных.

Они такие разные, мои девочки. Есть те, кто приходит уже много лет, — их лица я знаю так же хорошо, как своё отра-

жение. Есть те, кто впервые переступает порог и смотрит на свечи с опаской и надеждой. Но все они — родные. Близкие. Из моей стаи.

Сегодня пришли несколько новых. Одна из них особенно привлекла моё внимание. Высокая, красивая, яркая. В её одежде нет ничего особенного — обычный свитер, юбка, волосы собраны в небрежный пучок. Но она светится изнутри, как лампа, прикрытая тканью. Я чувствую что-то родное, что-то манящее. Как будто мы уже встречались. В другой жизни.

— Девочки, — говорю я, когда все успокаиваются и дыхание становится ровным. — Скажите намерение на Круг. Ответ на какой вопрос вы хотите получить?

Они говорят по очереди. Кто-то хочет понять, почему не может отпустить прошлые отношения. Кто-то — как перестать бояться перемен. Кто-то просто пришла побыть в тишине.

Высокая красивая девочка ждёт своей очереди. Я вижу, как она перебирает пальцами край пледа, как кусает губу. И когда она начинает говорить, голос её звучит тихо, но каждое слово падает в тишину тяжело, как камень в воду.

— Я не чувствую связи со своей внутренней женщиной, — говорит она. — Я живу как будто не свою жизнь. Смотрю на неё со стороны, не позволяя себе чувствовать. Я уже запуталась, где я, а где не я. Где мои желания, где не мои.

Она замолкает, и я вижу, как дрожат её ресницы. В ком-

нате тихо, только свечи потрескивают, только цветы на алтаре роняют лепестки на пол.

Девочки дотрагиваются ладонями до пола и произносят «Ахо». Звук рождается где-то в глубине — не в горле, а в груди, в животе, в основании позвоночника. «Ахо» — звук стихий, звук тёмного леса, звук, когда природа и Бог слышат тебя. Я чувствую, как вибрация проходит сквозь доски пола, сквозь мои ладони, сквозь всё тело. Украшения, лежащие на стеклянном подносе, чуть заметно звенят — серебро отзывается на звук, камни вспыхивают в свете свечей.

— Да будет так, сестра моя, — говорим мы вместе. — Да сбудется твоё намерение.

Девочки в Круге — сёстры. Мы не случайно вместе. Именно мы можем помочь друг другу. Вместе.

Я смотрю на неё — на эту яркую, красивую, потерянную девочку — и начинаю говорить. Мой голос звучит ровно, но внутри что-то отзывается на каждое слово.

— «Потеря себя» — это отказ от себя и своей природы. Ты живёшь ради других. Ради желаний других людей, полностью растворяясь в них. Где тут ты? Люби себя, моя девочка. Пойми, что ты всегда для себя на первом месте. Самый главный человек для тебя — это ты.

Она смотрит на меня, и я вижу, как слёзы собираются в уголках её глаз. Она не плачет — она держится. Но я знаю эту борьбу. Я сама через неё проходила.

Круг идёт своим чередом. Мы говорим, молчим, плачем,

смеёмся. Девочки делятся тем, что болит, что радует, что страшит. Я держу пространство, ловлю каждую ниточку, слежу, чтобы никто не остался в своей боли одна. К концу Круга лица становятся мягче, плечи расправляются, дыхание — глубже.

Свечи догорают. Огонь на подносе мерцает в последний раз и гаснет, оставляя после себя тонкие струйки дыма, которые выются к потолку и растворяются в полумраке.

— Круг закрыт, — говорю я. — Но то, что мы создали, остаётся с нами.

Девочки берут свои украшения с алтаря. Каждая подходит к стеклянному подносу, берёт то, что принесла, и прижимает к груди. Я вижу, как серебряная цепочка с лунным камнем снова ложится на шею моей давней девочки. Как браслет с бирюзовой бусиной возвращается на запястье новенькой — и та смотрит на него с улыбкой, которой не было в начале. Как золотое кольцо с красным камнем надевает высокая красивая девочка — и её пальцы больше не дрожат.

Это больше не просто украшения. Это талисманы. Наполненные нашим кругом. Нашей любовью. Нашей силой.

— А теперь, — говорю я, вставая, — обнимаемся.

Они поднимаются, потягиваются, трусят затекшие ноги. А потом — смех, шёпот, и все бросаются в общую кучу. Руки, плечи, головы. Кто-то плачет, кто-то смеётся, кто-то молча зарывается лицом в чужое плечо. Я чувствую тепло десятка тел, запах волос, чьи-то пальцы, сжимающие мою ладонь.

Мы стоим так долго. Достаточно, чтобы каждая напиталась. Чтобы каждая почувствовала: я не одна. Мы есть друг у друга.

Потом они начинают расходиться. Обнимаются у двери, обещают писать, звонить, не пропадать. Я провожаю их, чувствуя, как тепло их объятий остаётся на коже.

— Ты как? — спрашивает меня та, высокая и красивая, уже у порога. Её глаза всё ещё влажные, но в них появилось что-то новое. Свет. Или надежда.

— Я в порядке, — улыбаюсь я. — Иди, отдыхай. Всё, что пришло сегодня, — оно с тобой. Оно будет прорасти.

Она кивает, сжимает мою руку на секунду и выходит.

Дверь закрывается.

Я остаюсь одна.

В комнате ещё пахнет сандалом, травами, воском. Пол усеян лепестками, которые за вечер успели подсохнуть и теперь похожи на маленькие лодочки, приплывшие из ниоткуда. Алтарь опустел — девочки забрали свои дары, и теперь на стеклянном подносе остались только три свечи, оплавившиеся и тёплые на ощупь.

Я медленно обхожу круг, поправляю подушки, собираю рассыпавшиеся лепестки в чашу, чтобы потом высушить. Движения привычные, почти автоматические. Но мысли далеко.

Я чувствую что-то. С самого начала Круга, с той минуты, как увидела её — высокую, красивую, потерянную. Что-то

шевелинулось в глубине, как рыба в тёмной воде. Я отогнала это тогда — нужно было быть в кругу, с девочками, здесь и сейчас. Но теперь, когда тишина заполнила комнату, это что-то всплывает на поверхность.

Я сажусь на пол, прямо на доски, чувствуя их прохладу даже через одежду. Передо мной — алтарь. Свечи догорели, их огонь погас. Я смотрю на пустой стеклянный поднос и не вижу его. Я смотрю сквозь.

И вдруг — вспоминаю. Это Как волна, накрывшая с головой.

Я вижу её.

Жрицу.

Она стоит в алтарной, в том древнем храме, который я никогда не видела своими глазами, но который знаю до последнего камня. На ней простое розовое сари, волосы распущены, в руках — цветы для подношения. Её лицо... я не вижу его чётко, но чувствую. Оно красивое, молодое, но в глазах — глубина, которая бывает только у тех, кто уже знал боль.

И он рядом. Монах в шафрановых одеждах. Он стоит в трёх шагах от неё, но между ними — целая вселенная. Я чувствую, как его сердце разрывается на части. Как он хочет подойти, обнять, сказать... но не может. Не позволяет себе. Очень больно. Правила. Обеты. Страх.

Она смотрит на него. В её взгляде — любовь, которая не ищет ответа. Которая просто есть. Которая готова ждать вечность. Или умереть с этой любовью.

Я не вижу этого. Я чувствую.

Их боль отдаётся в моей груди. Их разлука живёт в моем сердце. Их любовь, которая не стала меньше от того, что её не приняли, — она пульсирует где-то глубоко, там, где память старше слов.

Я закрываю глаза, и слёзы текут по щекам. Я не вытираю их. Пусть будут.

— Кто вы? — шепчу я в пустоту. — Почему я чувствую вас так сильно?

Тишина.

Я открываю глаза. В комнате темно, только луна светит в окно, и её серебряный свет ложится на пустой стеклянный поднос, на лепестки, на мои руки, сложенные на коленях.

Я чувствую их. Здесь. Сейчас.

Жрицу, которая отдала своё сердце и не получила его обратно. Монаха, который выбрал путь, но носил эту рану всю жизнь. Их боль — это моя боль. Их любовь — это моя любовь. Я не знаю, как это объяснить. Не знаю, есть ли слова.

Но я знаю одно: я была там. Я была ею.

Эта Жрица — я. Не Настя. Та, другая. Мохини. Имя всплывает из темноты. Мохини.

А монах... я не знаю его имени. Но я знаю его боль. Она живёт во мне, в том страхе быть брошенной, который преследовал меня всю жизнь. Я думала, это из-за папы. Но нет. Папа не причём. Эта боль старше. Гораздо старше.

Я сижу на полу, в темноте, среди засохших лепестков, и

слёзы текут по моим щекам. Я не плачу. Это не плач. Это освобождение. То, что было заперто много жизней, наконец выходит наружу.

— Я помню, — шепчу я. — Я помню тебя, сестра. Я помню твою боль. Я помню твою любовь. И я обещаю... я не закрою своё сердце. Я не повторю твоей судьбы.

В темноте, где-то между сном и явью, я чувствую её улыбку. Тихую, печальную, но светлую.

— Иди, — говорит она. — Иди своим путём. Но помни. Мы связаны. Навсегда.

Я открываю глаза. Луна светит в окно. Стеклянный поднос пуст, но на нём ещё лежат несколько лепестков, и лунный свет отражается в них серебром. Комната пуста. Но я не одна.

Я никогда не была одна.

Глава 3. Девочки в Храме

Храм Знания и Любви, Южная Индия. Мохини — пятнадцать лет.

В Храме мне весело.

Здесь живёт десять девочек, все примерно одного возраста. Мы выросли вместе, делили пополам сладости, плакали в плечо друг другу, когда было больно, смеялись до колик в животе, когда было радостно. Мы чувствуем себя родными — не по крови, а по чему-то гораздо более глубокому.

Но особенно близка мне черноволосая Сундари.

Она старше меня на два года, и я с детства тянулась к ней, как цветок к солнцу. У неё длинные, чёрные, волнистые волосы, которые падают на плечи и переливаются синим в лучах утреннего солнца. Её глаза — тёмные, глубокие, как лесные озёра, и когда она смотрит на меня, я чувствую, что меня видят. По-настоящему.

Я её очень люблю.

Мы часто проводим время вместе. Гуляем в храмовом саду, где пальмы шелестят листьями, а в воздухе пахнет жасмином и влажной землёй после полива. Или сидим в прохладной тени внутреннего дворика, сплетая гирлянды для алтаря — наши пальцы быстро перебирают цветы, нитки, бусины, и мы болтаем без умолку.

Или помогаем на кухне.

Кухня в Храме — это отдельный мир. Там всегда жарко от огня, пахнет топлёным маслом, кардамоном, шафраном и свежим тестом. Старшие Жрицы разрешают нам чистить овощи, перебирать рис, мешать сладкий кхир — молочный пудинг, который мы потом предлагаем Господу. Я люблю этот запах — густой, сладкий, домашний. Он пахнет заботой.

У каждой из нас есть свои обязанности в Храме. Кто-то каждое утро поливает цветы в саду. Кто-то зажигает лампы в алтарной. Кто-то помогает наставницам переписывать священные тексты. Моя обязанность — украшать алтарь. Я люблю подолгу раскладывать цветы, подбирать оттенки, чтобы гирлянды радовали Господа. Сундари часто помогает мне, и мы обычно молчим, но это молчание — не пустое. Оно наполнено чем-то тёплым, что не требует слов.

Но главное — мы общаемся. Много. Без конца. Нам никогда не скучно вдвоём. Мы можем говорить обо всём на свете — о том, что видели в деревне, куда ходили за цветами, о том, что снилось ночью, о том, какими мы станем, когда вырастем. А можем просто сидеть рядом, прислонившись друг к другу, и этого достаточно.

Она такая родная.

Сегодня мы сидим на ступенях храма, откуда видно, как солнце садится за пальмовую рощу. Небо горит оранжевым и розовым, и тени становятся длинными, мягкими. Я чувствую, как прохладный камень ступеней остывает подо мной

после жаркого дня.

Я поворачиваюсь к Сундари. Она расплела свои косы, и её волосы рассыпались по плечам, пахнут сандалом и чем-то ещё — её собственным, особенным запахом, который я узнаю даже с закрытыми глазами.

— Ты моя Красавица из храма любви, — говорю я. — Мне так нравится всегда ходить с тобой, взявшись за руки. И чувствовать твоё сердце рядом.

Она улыбается и протягивает руку, чтобы погладить меня по волосам. Её пальцы мягкие, чуть шершавые от цветочных стеблей, которые мы перебирали сегодня утром. Она водит ими по моим волосам медленно, как мама когда-то, и я закрываю глаза.

— И ты меня гладишь по волосам, — продолжаю я. — Мне всегда это приятно. Я чувствую к тебе любовь. Ты всегда близка мне.

Я открываю глаза, смотрю на неё. Она такая красивая в этом закатном свете — её кожа отливает золотом, глаза блестят, и на губах играет та самая улыбка, которая всегда делает меня счастливой.

Я крепко обнимаю её.

Прижимаюсь щекой к её плечу, чувствую тепло её тела, её дыхание. Мои руки обхватывают её спину, и я не хочу отпустить. Она обнимает меня в ответ, и мы сидим так несколько мгновений — две девочки в храме, две сестры, две половинки одного целого.

Я не представляю своей жизни без неё.

— Мохини, — Сундари слегка отстраняется, но продолжает держать меня за руку. — Я сегодня нашла кое-что.

— Что? — я смотрю на неё с любопытством.

Она оглядывается по сторонам, будто проверяя, не подслушивает ли кто. Потом наклоняется ближе и говорит шёпотом:

— В библиотеке. В самом дальнем углу. Там был свиток, которого я раньше не видела. Я открыла его и прочитала немного.

— И что там? — я чувствую, как внутри просыпается волнение. Библиотека — это место для старших Жриц, мы редко туда заходим. А если и заходим — только с разрешения наставниц.

— Про миссию Жриц, — её глаза блестят. — Там написано, для чего мы здесь. Кто мы. Что мы должны помнить.

— Покажи мне, — говорю я, и в голосе слышится нетерпение.

Сундари кивает. Мы поднимаемся со ступеней, и она ведёт меня через внутренний двор, мимо цветущих кустов жасмина, мимо старого баньяна, под которым мы играем в детстве. Библиотека находится в дальней части храма, там, куда редко доходит шум.

Дверь скрипит, когда мы открываем её. Внутри прохладно и сумрачно. Пахнет старой бумагой, сандалом и тишиной. Сундари ведёт меня в самый дальний угол, где полки уходят

высоко вверх, а свет проникает только через узкое окно под потолком.

— Вот, — она протягивает мне свиток, перевязанный потёртой шёлковой лентой. — Я нашла его здесь, за другими. Будто его специально спрятали. Или... или забыли.

Я беру свиток в руки. Лента легко развязывается, будто только и ждала этого. Я разворачиваю плотную бумагу — она шершавая, жёлтая от времени. Это был текст на санскрите и буквы были выведены ровно, красиво, но почерк старый, не такой, каким пишут наши наставницы.

— Читай, — шепчет Сундари, придвигаясь ближе.

Я читаю, водя пальцем по строкам, чтобы не сбиться:

— «Когда-то, в самом начале времен, когда мир только учился дышать, Шива и Парвати смотрели на свои творения и видели: люди забывают, кто они есть...»

Я замолкаю. Слова странные, не такие, как в писаниях, которые мы учим. Они будто... живые.

— Читай дальше, — Сундари сжимает мою руку.

— «И тогда Парвати сказала Шиве: „Я пойду к ним. Я приму женское тело. Я рожусь среди них. И я буду напоминать им о том, что они забыли“. Шива ответил: „Я пойду с тобой. Не как тот, кто ведёт. А как тот, кто поддерживает. Потому что напоминать о любви — это не значит учить. Это значит — быть любовью“».

Мы переглядываемся. В глазах Сундари я вижу то же, что чувствую сама: волнение, трепет, и ещё что-то — узнавание.

Будто мы не читаем это впервые, а вспоминаем.

— Там ещё, — говорит Сундари. — Про Жриц. Что они — не те, кто учит, а те, кто помнит. Что они хранят любовь в сердце, чтобы ни случилось.

Я переворачиваю страницу. Текст продолжается, и я читаю дальше, но слова становятся слишком важными, чтобы произносить их громко. Я читаю про себя, и каждое предложение падает в грудь, как капля в тихую воду.

«Жрица рождается с открытым сердцем... Когда другие забывают, она помнит. Когда другие закрываются, она остаётся открытой...»

«Хранить любовь в своём сердце, чтобы ни происходило. Это самое трудное...»

«Ты не одна. Ты — часть сестёр, которые шли до тебя. Ты — часть тех, кто придёт после...»

Я поднимаю глаза. Сундари смотрит на меня, и я вижу, что её глаза влажные.

— Это про нас? — спрашиваю я тихо.

— Я думаю, да, — отвечает она. — Про всех, кто был до нас. И про нас. И про тех, кто будет после.

Я смотрю на свиток, на эти старые, мудрые буквы, и чувствую, как что-то меняется внутри. Не то чтобы я узнала что-то новое. Скорее, я вспомнила то, что всегда знала.

— Нам нужно показать это наставницам? — спрашиваю я.

Сундари качает головой:

— Я думаю, он сам нас нашёл. Когда будет нужно — по-

кажем. А пока... давай сохраним его. Будем приходить и читать. Вместе.

Я киваю. Мы заворачиваем свиток обратно и кладём его на полку — не в дальний угол, а так, чтобы его можно было легко найти. Потом выходим из библиотеки, и вечерний воздух обнимает нас, тёплый, пахнувший цветами и травой.

Мы идём обратно, держась за руки. Я всё ещё чувствую на своих пальцах шершавую бумагу, всё ещё слышу эти слова внутри себя.

— Сундари, — говорю я.

— Ммм?

— Ты всегда будешь со мной?

Она молчит секунду. Потом сжимает мою руку крепче.

— Всегда. Мы же сестры.

Я улыбаюсь. Небо над нами темнеет, зажигаются первые звёзды, и где-то в храме начинают петь вечерние молитвы. Я знаю: этот свиток мы будем перечитывать ещё много раз. И каждое слово будет открываться нам по-новому. Но сейчас, в этот вечер, я чувствую главное: я не одна. У меня есть она. У меня есть знание. У меня есть путь.

Глава 4. Настя и Женские Круги

Наши дни.

Женские круги — это дань временам. Дань тем, кто был до нас. Дань нашей природе, которая помнит больше, чем мы сами.

С древних времён женщины собирались вместе. Они чувствовали в этом силу. Силу, которая рождалась, когда голоса сливались в один. Силу, которая крепла, когда руки касались друг друга. Силу, которая спасала в самые тёмные времена.

Они собирались у костра, когда мир был другим. Вышивали долгими вечерами, передавая иглу из рук в руки. Пели, и их пение было сильнее любого страха. Молчали вместе, и это молчание было глубже любых слов. Растили детей, собирали урожай, оплакивали потери, праздновали возвращения — и всё это делали вместе. Потому что вместе — легче. Потому что вместе — сильнее. Потому что вместе — мы сёстры.

Мы — одни из них. И когда мы собираемся — продолжается то, что началось задолго до нас.

Сегодня я готовлюсь к Кругу. Ко мне придут мои девочки. Когда-то моя бабушка, ожидая гостей, доставала лучшую скатерть и расставляла цветы. Женщины всегда украшали место, где собирались. Для себя. Для радости. Для красоты, которая питает сердце.

Я расстилаю на полу большой плед. На него мы сядем все

вместе — кругом, лицом друг к другу. Каждая найдёт своё место, свою подушку, свой угол. Главное — чтобы мы видели друг друга. Чтобы чувствовали дыхание. Чтобы между нами было пространство — и в нём всё, что принесёт этот вечер.

В центре, прямо на пледе, я создаю алтарь. Он будет сердцем нашего круга.

Я ставлю свечи. Не одну — несколько. Их свет будет мягким, живым, он будет танцевать на наших лицах весь вечер. Это огонь.

Вокруг свечей я раскладываю цветы — белые розы, ветки жасмина, что угодно, что пахнет тонко и нежно. Их аромат будет наполнять круг, соединяя нас с древними традициями, когда женщины собирались там, где цвело. Это воздух.

В углу комнаты я зажигаю палочку сандала. Тонкий дым тянется к потолку, тает в воздухе, наполняет пространство чем-то незримым, но ощутимым. Это эфир — связь с тем, что за пределами слов.

Мы будем пить чай это Вода. Могучая стихия.

А под нами — пол. Твёрдый, надёжный. Мы сидим на пледе, но чувствуем его. Он держит нас. Это земля.

Пять стихий. Пять сил. Они внутри и снаружи .

Девочки приходят. Я слышу их шаги в коридоре, их голоса, их смех. Сердце наполняется теплом. Каждый раз — как в первый. Каждый раз — как возвращение домой.

Я открываю дверь. Они стоят на пороге — такие разные,

такие родные. Кто-то снимает обувь прямо у входа, чтобы чувствовать землю под ногами. Кто-то заходит, оглядывается, улыбается. Кто-то приносит плед, кто-то — печенье к чаю, кто-то — свою любимую чашку.

— Как у тебя красиво, — говорит Лена, оглядывая свечи, цветы, алтарь. — Я люблю, когда красиво. Моя бабушка всегда говорила: «Даже если у тебя ничего нет, поставь цветы. Они напомнят тебе, что жизнь — это не только трудности».

— Моя бабушка вязала, — говорит Оля, расстилая на полу ещё один плед, поверх моего. — Я хочу, чтобы он был здесь. Чтобы она тоже была.

Я киваю. Плед ложится, и комната становится теплее. Не от него. От того, что мы вместе.

Мы рассаживаемся кругом, на полу, лицом друг к другу. Каждая выбирает свою подушку, своё место. Кто-то поближе к свечам, кто-то — к цветам. Кто-то поджимает ноги, кто-то вытягивает. Кто-то сразу берёт в руки свою чашку — ту, что принесла с собой.

— Какая красивая, — говорю я, глядя на Олину чашку. Белая, с тонкой росписью, почти прозрачная на просвет.

— Мамина, — отвечает она тихо. — Я хочу, чтобы она была здесь.

Я смотрю на них. На Лену — высокую, красивую, которая так долго не разрешала себе чувствовать. На Олю — новенькую, тихую, но с горящими глазами. На тех, кто приходит уже много лет, и их лица я знаю так же хорошо, как своё

отражение. Все они — мои. Все они — сёстры. Мы Вместе открыли Круг Света.

— Девочки, — говорю я, когда все устроились. — Сегодня я предлагаю нам поговорить о том, что нас держит. Об опоре. Не только на себя. На тех, кто был до нас.

Я делаю паузу. Свечи мерцают, и их свет ложится на лица, делая их мягче, моложе, беззащитнее.

— С древних времён женщины собирались вместе. Они чувствовали в этом силу. Сегодня мы тоже вместе. Потому что чувствуем, что нам это нужно. Чувствовать друг друга. Помнить, что мы — не одни.

Они кивают. Кто-то опускает глаза, кто-то, наоборот, поднимает голову, расправляет плечи. Я чувствую, как воздух в комнате становится плотнее, теплее. Это мой женский круг. И мы чувствуем друг друга.

— Давайте начнём с дыхания, — говорю я. — Закройте глаза. Положите руки на бёдра. Просто сидите. Чувствуйте, как пол поддерживает вас. Как подушки держат ваш вес. Как воздух касается вашей кожи.

Я замолкаю. Даю им время. В комнате тихо, только свечи потрескивают, только где-то далеко за окном проезжает машина, но этот звук не мешает — он напоминает, что мы здесь, в этом городе, в это время, и это тоже часть нашего круга.

— А теперь положите одну руку на сердце. Другую — на живот. Чувствуете, как они движутся? Как сердце бьётся, как

живот поднимается и опускается с каждым вдохом? Это ваша жизнь. Она здесь. В этом теле. В этом дыхании.

Я вижу, как плечи у некоторых опускаются. Как лица становятся мягче. Кто-то начинает дышать глубже, кто-то, наоборот, замирает, прислушиваясь к себе.

— Сделайте три глубоких вдоха. На вдохе — принимайте. На выдохе — отпускайте. Вдох — я здесь. Выдох — я разрешаю себе быть.

Мы дышим вместе. Три вдоха. Три выдоха. Я чувствую, как воздух в комнате становится плотнее, теплее, будто наше дыхание создаёт невидимую ткань, которая держит нас всех.

— А теперь, — говорю я, — встаньте. Медленно. Не торопясь. Чувствуйте, как ваши ноги касаются пола, как вы выпрямляете спину, как поднимаете голову.

Они встают. Кто-то неуверенно, кто-то сразу расправляет плечи. Я смотрю на них — такие разные, такие красивые.

— Я буду называть слова. А вы будете пробовать их телом. Не умом. Просто чувствовать, как отзывается тело. Хорошо? Они кивают.

Опора.

Я сама встаю в центре, расставляю ноги на ширине плеч, чувствую, как пол принимает мой вес, как кости ног становятся устойчивыми, как позвоночник выстраивается в линию.

— Почувствуйте, где в вашем теле живёт опора. Может быть, это ступни, плотно стоящие на полу. Может быть, это копчик, тяжёлый, укоренённый. Может быть, это позвоночник — прямая, сильная линия, которая держит вас.

Я даю им время. Вижу, как Оля чуть сдвигает ноги, пробует, находит устойчивость. Как Лена выпрямляет спину, и её плечи расправляются, будто с них сняли тяжёлый груз.

— А теперь представьте, что под вашими ступнями — не просто пол. Представьте, что под вами — земля. Живая, тёплая, дышащая. А под землёй — корни. Не ваши. Корни тех, кто был до вас. Ваши бабушки. Прабабушки. Женщины вашего рода, которые стояли на этой земле до вас. Чувствуете? Они держат вас. Они — ваша опора.

Я вижу, как Лена опускает плечи. Как её лицо меняется — что-то смягчается, что-то открывается. Будто она почувствовала то, что искала.

— Скажите про себя: я стою на земле моих предков. Я не одна. За мной — женщины моего рода. Они держат меня. Я могу на них опереться.

Сила.

Я поднимаю руки в стороны, чувствуя, как энергия течёт от центра груди к кончикам пальцев.

— Не напрягайтесь. Сила — это не напряжение. Это — наполненность. Представьте, что ваше тело — это река. Сила — это течение. Оно есть всегда, даже когда вода спокойна. Почувствуйте это течение внутри себя.

Лена поднимает руки, медленно, неуверенно, потом расправляет их шире. Её лицо меняется — я вижу, как уходит напряжение, как приходит что-то другое. Удивление. Или узнавание.

— А теперь представьте, что эта сила — не только ваша. Она течёт к вам от женщин вашего рода. От тех, кто был до вас. От тех, кто выжил, кто выстоял, кто сохранил жизнь, чтобы вы могли быть здесь. Их сила — в вашей крови. Их стойкость — в вашем позвоночнике. Их мудрость — в вашем сердце. Вы не сами придумали эту силу. Вы её унаследовали.

Оля выпрямляется, и я вижу, как её плечи расправляются. Как поднимается подбородок. Как в глазах появляется что-то новое — твёрдое, устойчивое.

Мягкость.

Я опускаю руки, расслабляю плечи, позволяю телу стать текучим, как вода.

— Сила и мягкость не исключают друг друга. Мягкость — это не слабость. Это способность быть гибкой. Не ломаться. Прогибаться, но не ломаться. Почувствуйте, где в вашем теле живёт мягкость.

Оля опускает плечи, и я вижу, как она выдыхает — долго, с облегчением. Будто что-то отпустила. Будто разрешила себе быть не жёсткой, а живой.

— А теперь представьте, что эту мягкость вам передали женщины вашего рода. Не те, кто были жёсткими, чтобы выжить. А те, кто смогли сохранить нежность даже в самые тёмные времена. Те, кто обнимали своих детей, когда вокруг рушился мир. Те, кто пели колыбельные, когда не было надежды. Их мягкость — в ваших руках. В вашей улыбке. В вашем дыхании.

Лена опускает руки, и её лицо становится мягче, спокойнее. Она улыбается — той тихой, глубокой улыбкой, которая бывает, когда прикасаешься к чему-то очень древнему и очень своему.

Граница.

Я снова выпрямляюсь, но не напрягаюсь. Выставляю руки перед собой ладонями вперёд.

— Граница — это не стена. Это — знание, где заканчиваюсь я и начинается другой. Это — уважение к себе. Вы можете быть мягкими и иметь границы. Вы можете быть сильными и иметь границы. Почувствуйте, где проходит ваша граница.

Я вижу, как Лена выставляет руки вперёд. Не агрессивно. Спокойно. Как будто говорит: «я здесь, и это моё пространство». Её глаза закрыты, и на лице — сосредоточенность.

— А теперь представьте, что у женщин вашего рода тоже были границы. Кто-то умел их ставить, кто-то нет. Кто-то отдавал себя до конца, а кто-то сохранял себя, чтобы передать жизнь дальше. Вы можете выбрать. Вы можете опереться на тех, кто умел говорить «нет». И простить тех, кто не умел. Их опыт — в ваших руках. Вы не обязаны повторять их ошибки.

Оля опускает руки, потом снова поднимает, пробует. Её движения становятся увереннее. Она находит своё «нет» — не в голосе, а в теле. Я вижу это. ---

Любовь.

Я убираю руки, кладу их на сердце. И просто стою.

— Любовь — это не чувство, которое надо вызывать. Это — то, что уже есть. Просто положите руку на сердце. Почувствуйте его тепло. Его ритм. Это и есть любовь. Не к кому-то. Не от кого-то. Просто — любовь, которая живёт в вас. Которая была там всегда.

Мы стоим в тишине. Я не знаю, сколько времени проходит — минута, две, пять. Неважно. Важно то, что я чувствую: пространство наполняется чем-то тёплым, мягким, живым.

— А теперь представьте, что эта любовь — не только ваша. Она течёт через вас от женщин вашего рода. От тех, кто любил, несмотря ни на что. От тех, кто сохранил сердце открытым, даже когда мир учил его закрывать. От тех, кто передал вам эту способность — любить. Не за что-то. Не вопреки. А просто — любить. Их любовь живёт в вас. Она течёт в вашей крови, в вашем дыхании, в вашем сердце. Вы можете на неё опереться.

Я слышу, как кто-то всхлипывает. Не открывая глаз, знаю — это Лена. Она плачет тихо, не скрывая, не сдерживая. И я не останавливаю её. Пусть течёт. Пусть очищается. Пусть принимает.

Оля стоит прямо, её лицо спокойно, но я вижу, как по её щеке катится слеза.

— А теперь, — говорю я, — медленно садитесь. Садитесь на свои места, в круг, на подушки. Несите это ощущение с собой. И помните: вы не одни. За вами — женщины вашего рода. Вы можете опереться на них. И они — на вас. Это и есть связь. Это и есть опора. Которая была, есть и будет.

Мы садимся. Кто-то сразу открывает глаза, кто-то остаётся в тишине ещё на несколько мгновений. Я жду, пока все вернуться.

— Расскажите, что вы почувствовали, — говорю я.

Они говорят по очереди.

— Я почувствовала, что не одна, — говорит первая. — Я всегда думала, что я сама по себе. Оторванная от всех. А сегодня... я почувствовала, как бабушки стоят за мной. Как они держат меня.

— Я поняла, что могу быть мягкой, — говорит другая. — Что это не слабость. Я вспомнила что моя бабушка была мягкой, но при этом её все уважали. Я думала, что мне надо быть жёсткой, чтобы выжить. А сегодня... я разрешила себе быть мягкой.

Лена говорит тихо, глядя на свои руки:

— Я почувствовала любовь. Не ту, которую надо заслужить. А ту, которая просто есть. Которая течёт через меня. Я думала, что любовь — это боль. А сегодня... я поняла, что любовь — это сила. И она у меня есть.

Оля молчит дольше всех. Потом поднимает глаза.

— Я почувствовала границу, — говорит она. — Я всю

жизнь думала, что если я поставлю границу — меня перестанут любить. А сегодня... я поняла, что граница — это и есть любовь к себе. И что женщины моего рода тоже умели ставить границы. Просто я об этом не знала. Теперь знаю.

Я киваю. В комнате тихо. Свечи догорают, их свет становится мягче, теплее.

Мы сидим в кругу, держась за руки. Я чувствую, как энергия изменилась — сначала она была напряжённой, ищущей, а теперь — текучей, спокойной, наполненной.

Девочки вернулись к себе. К своим корням. К опоре, которая всегда была, просто они не знали, как её чувствовать.

— Девочки, — говорю я. — Наш Круг подходит к завершению. Но то, что мы создали здесь, остаётся с нами. В наших сердцах. В наших телах. В наших украшениях, которые сегодня лежали на алтаре и впитывали нашу энергию.

Я делаю паузу, давая словам опуститься.

— Я хочу спросить у каждой. Что ты забираешь сегодня из Круга? Не надо думать, просто скажи первое, что приходит в сердце.

Они говорят по очереди.

— Опора, — говорит первая. — Я забираю опору. Не только на себя. На женщин рода. Я не одна.

— Мягкость, — говорит другая. — Я разрешила себе быть мягкой. И поняла, что это не слабость. Это моя сила.

— Границу, — говорит третья, с улыбкой. — Я разрешаю себе говорить «нет». И не чувствовать себя виноватой.

Лена говорит, не поднимая глаз, но голос её твёрдый:

— Любовь. Я забираю любовь. Не ту, которую надо заслужить. А ту, которая уже есть. Которая течёт через меня от женщин моего рода. Я — звено в этой цепи. И я не одна.

Оля молчит. Я вижу, как она сжимает руки на коленях, как колеблется. Потом поднимает голову и говорит:

— Я забираю... всё. Опора, сила, мягкость, граница, любовь. Я забираю себя. Но не отдельно. А в связи с теми, кто был до меня. Я — часть рода. И это не ограничивает меня. Это даёт мне силу.

Я смотрю на неё и чувствую, как что-то тёплое разливается в груди. Она поняла. И приняла. Она вернулась к себе — через тех, кто был до неё.

— А теперь, — я киваю в сторону алтаря, где на плече, среди лепестков и камней, лежат их украшения. -Можно взять свои украшения. Они заряжены. Они помнят наш круг, наши голоса, нашу силу, нашу связь с родом. Пусть они напоминают вам: вы не одни. За вами — женщины вашего рода. Вы можете на них опереться. И они — на вас.

Девочки встают по очереди, подходят к алтарю. Я смотрю, как они берут свои кольца, цепочки, браслеты. Кто-то прижимает украшение к груди, закрывая глаза. Кто-то шепчет что-то, благодаря. Кто-то просто улыбается — той тихой, глубокой улыбкой, которая бывает только когда сердце открылось и приняло что-то очень важное.

Лена надевает своё золотое кольцо на палец, проводит

большим пальцем по красному камню. Я вижу, как она улыбается — впервые за весь вечер. Улыбка спокойная, уверенная. Такая бывает у тех, кто нашёл то, что искал.

Оля берёт свою серебряную подвеску в виде луны, долго держит на ладони, потом надевает на шею. Месяц ложится на грудь, над самым сердцем. Она проводит по нему пальцами, закрывает глаза.

— Спасибо, — говорит она тихо. — Спасибо, бабушки. Спасибо, те, кто был до меня. Я вас помню. Я вас чувствую. Я с вами.

Круг завершён. Девочки расходятся, обнимают меня на прощание, шепчут «до встречи». Я чувствую их тепло, их благодарность, их облегчение. Они уходят другими — не теми, какими пришли. Прямые, устойчивые, наполненные. Они нашли опору. Не только в себе. В тех, кто был до них. В нас. В этом вечере, когда мы просто были вместе.

Я остаюсь одна. Сажу в кругу, на полу, среди подушек и пледов. Смотрю на алтарь — на догорающие свечи, на лепестки, которые уже начали подсыхать, на чашки, которые девочки забыли или оставили на память. Камни остаются здесь до следующего раза. Они помнят каждый Круг, каждую слезу, каждый смех, каждое открытие.

Они — свидетели и хранители тайн.

Я думаю о них. О каждой. Об Оле, которая забрала себя через род. О Лене, которая забрала любовь, которая течёт через кровь. О девочках, которые почувствовали, что не од-

ни. Что за ними — женщины, которые выжили, чтобы они могли жить. Что они — звенья в цепи, и цепь не прервётся.

Я потушила свечи одну за другой. Комната погружается в полумрак. Я сижу в тишине, слушая, как за окном шумит город, и думаю о том, что завтра придут другие девочки. Или эти же. И мы снова будем дышать, чувствовать, искать опору в себе и в тех, кто был до нас. Потому что это и есть женский круг. Когда мы вместе и передаём друг другу свою любовь, свои знания, разные ритуалы.. А может мы просто что-то делаем вместе. И мы счастливы.

Я кладу руку на сердце. Оно бьётся ровно, спокойно. Я чувствую, как за моей спиной — тишина. Но не пустая. Полная. Там — мои бабушки. Мои прабабушки. Женщины моего рода, которые держат меня.

Которые дали мне эту жизнь, это сердце, эту способность — чувствовать, любить, помнить.

— Я здесь, — шепчу я в темноту. — Я помню. Я не одна. Я — звено в цепи. И цепь не прервётся.

В комнате тихо. Только ветер за окном. И где-то внутри — ответ. Тёплый. Как дыхание за спиной. Как руки на плечах. Как голос, который говорит: «Иди. Мы с тобой».

Глава 5. Индия, пять веков назад.

Тибет.

Я — монах. Меня зовут Ананда.

Я живу в этом храме уже много лет. У меня нет родителей, и я даже не помню времени, когда они были. Храм стал моим домом, тишина — моей матерью, священные книги — моим отцом. Я привык к этому. Привык к запаху сандаловых палочек, которые тлеют в алтарной. Привык к прохладному камню под босыми ступнями. Привык к тому, что мой мир — это стены, за которыми редко появляются чужие.

Обычно я мало обращаю внимания на женщин, проходящих в храм. Они приносят цветы, подношения, молятся, уходят. Их лица сливаются в одно — благочестивое, скромное, почтительное. Я провожаю их равнодушным взглядом и возвращаюсь к своим свиткам.

Но сегодня всё иначе.

Сегодня одна из них привлекла моё внимание.

Она вошла в храм, когда я сидел в тени колонны, перечитывая сутру. Свет падал из верхних окон, и в его потоке танцевали пылинки. А потом она перекрыла этот свет. Я поднял глаза — и забыл, что читал.

Кто она? Эта незнакомая мне девушка. Я раньше никогда

не видел её. Она не похожа на местных жительниц — те ходят тихо, почти неслышно, стараются не встречаться взглядом с монахами. А эта... она двигается иначе. Её шаги лёгкие, будто она не идёт, а танцует. Её сари — не бледное, не скромное, а яркое, как закат над Ямуной. И она смотрит по сторонам с открытым любопытством, будто здесь, в храме, ей не страшно, а интересно.

Совсем другая. Манящая.

Почему, когда я смотрю на неё, я совсем не могу совладать со своими чувствами? Моё сердце колотится где-то в горле, ладони становятся влажными, и я не знаю, куда деть глаза. Я монах. Я учился отречению, учился не привязываться, учился смотреть на мир с равнодушием мудреца. А сейчас я чувствую себя мальчишкой, который впервые увидел цветок и не знает, что с этим делать.

Она нравится мне. И, глядя на неё, я теряюсь.

"Если бы Бог был женщиной, Он был бы похож на неё". Не помню, кто так сказал, но, похоже, это про неё. Она очень красивая и нежная. Её волосы чёрные, длинные, выются по плечам, и когда она наклоняет голову, прядь падает на лицо, и она поправляет её лёгким движением пальцев. Я запомнил это движение. Буду помнить его, наверное, всегда.

Она подошла к алтарю, поставила цветы, сложила ладони в молитвенном жесте. И в этот момент она посмотрела в мою сторону. Всего на секунду. Но мне показалось, что эта секунда длилась вечность. Наши глаза встретились, и я по-

чувствовал, как что-то оборвалось внутри. Или, наоборот, связалось. Я не знаю, как это назвать.

Она быстро отвела взгляд и вышла из храма. А я остался сидеть под колонной, с открытой сутрой на коленях, и не мог прочесть ни слова.

Я не могу выбросить из головы мысли о ней.

Когда я читаю книгу, я вижу её руки, которые переворачивают страницы. Тонкие пальцы, золотой браслет на запястье, который тихо звенит при каждом движении. Я слышу этот звон даже в тишине библиотеки.

Когда я иду за водой к колодцу, я вижу её рядом — она стоит у края, наклоняется, зачерпывает воду, и солнце играет на её лице, на мокрой коже, на каплях, которые стекают по её рукам. Я стою с пустым кувшином и смотрю на неё, хотя её там нет.

Я вижу её везде. И там, где её нет, тоже.

Весь мир кажется мне пустым. Раньше этот мир был полон — священные тексты, молитвы, тишина.

Теперь он пуст, потому что в нём нет её.

Я хочу с ней поговорить.

Мне кажется, я уже не могу жить без неё. Это безумие. Я знаю, что это безумие. Монах не должен так думать. Монах не должен чувствовать. Монах должен быть свободен от привязанностей. Но я привязан. Я привязан к её образу, который живёт во мне, даже когда я закрываю глаза.

Завтра я обязательно поговорю с ней.

Я не знаю, что скажу. Не знаю, как подойду. Не знаю, не нарушу ли этим правил храма. Но я знаю одно: если я этого не сделаю — я сойду с ума.

Я ложусь на свою циновку, смотрю в высокий потолок, где танцуют тени от масляной лампы. Рядом — мои книги, мои свитки, моя жизнь, которую я строил столько лет. А перед глазами — её лицо.

— Кто ты? — шепчу я в темноту.

Тишина не отвечает. Но я знаю: завтра я получу ответ.

Наши дни.

Это видение пришло ко мне ночью, за несколько дней до Круга. Я проснулась с ощущением, что кто-то звал меня по имени. Но не моему — другому. Древнему.

Я сидела на кровати, прижимая руки к сердцу, и слышала его голос: «Завтра я обязательно поговорю с ней». И чувствовала, как его сердце колотится в моей груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.